

Солохин Владимир Сергеевич

Я, Солохин Владимир Сергеевич, родился 12 марта 1925 года в деревне Преображенка Ново – Николаевского сельсовета Красноярского края в семье крестьян. Родители занимались сельским хозяйством. В 1930 году родители вступили в колхоз. В 1932 году я пошел в школу, учился до 1939 года. Зимой учился, а летом работал в колхозе на разных работах, боронил, вели прополки полей, был погонщиком. В 1940 году ямщичил – то есть, возили хлеб на лошадях в Галанино. В 1941 году началась война. Два брата, Михаил и Николай, и отец

были призваны в армию, я у матери остался за старшего. Кроме меня, в семье еще было семь человек. Три брата и четыре сестренки, одна сестра старшая была к тому времени замужем. Трудно жилось. Семья большая, а ни одежды, ни обуви. Потом стало очень плохо с хлебом, работник остался я один, а иждивенцев – восемь человек. Я работал в колхозе на разных работах, летом в поле, а всю зиму ямщичил, то есть вывозили хлеб с глубинок в Галанино.

Шла война. Пришло время и мне идти в армию. 9 января 1943 года я был призван в армию. Служить пришлось в г. Канске, 120 стрелковый полк. Попал в учебный батальон младших командиров курсантом, долго задержаться не пришлось, уже в августе 1943 года было присвоено звание сержанта.

По тревоге полк был отправлен на фронт. Прибыли в Тулу, там я попал в тяжелую артиллерию. Учился до 23 марта 1944 года, после был зачислен в артиллерийский полк наводчиком 152 мм пушки – гаубицы. С 23 марта 1944 года артиллерийский полк был придан к 135 танковой бригаде Второго Украинского фронта. Боевые действия мы начали в Бессарабии. Мне шел 19-й год. Здесь я вступил в комсомол и началась наша, как мы называли, «веселая» жизнь - каждый день с боями. Танковая бригада была вооружена танками КВ, тяжелыми танками. Мы находились все время в прорыве, на одном участке прорвем оборону – нас посылают на другой участок. По семь дней в неделю, безостановочно танки двигались, и мы с ними.

Попали в Карпатские горы. Август 1944 года, начались дожди. Трудно было и танкам, и нам с пушками. По семь дней и ночей не спавши. Но мы знали – каждый наш шаг на запад приближает нас к победе.

И вот мы вступили в Румынию. За 12 дней и ночей с боями мы почти полностью освободили Румынию. Румынские войска не сдержали натиск нашей

армии. Начали сдаваться в плен целыми дивизиями, но, однако, немцы оказывали сопротивление. И вот, 10 сентября 1944 года, близ венгерской границы, танковая бригада в ожесточенных боях наносила удар по сильно укрепленной обороне врага. Была поставлена задача – разбить укрепленный район немцев. Четыре часа вели артподготовку, враг против нашей артиллерии поднял в воздух до 18 самолетов. Враг с воздуха атаковал нас, весь день шел бой. В этом бою я был тяжело ранен в обе ноги при бомбежке.

Через несколько часов меня подобрали в очень тяжелом состоянии. В первом медсанбате мне сразу отняли одну ногу, а вторую заложили в гипс. Нас самолетами вывезли в тыл Румынии. Два месяца я находился в румынском госпитале, потом нас вывезли в Советский Союз, в г. Днепропетровск. Потом – в г. Харьков, Киев и Саратов. Из Саратова в январе 1946 года я демобилизовался домой. Больше года находился на излечении в госпитале. При госпитале в г. Харькове я окончил 6-месячные курсы счетоводов. Знал, что с моим ранением надо приобретать сидячую специальность, чтоб жить и кормить себя.

И вот началась моя трудовая жизнь. По приезду домой, на пятый день устроился на работу в Пировский сельсовет секретарем сельсовета. Председателем работал Лапшин Платон Ермилович, он и сейчас живой. В 1947 году, т.к. я был комсомольцем, меня исполком райсовета направил работать на родину, то есть, в д. Преображенку счетоводом колхоза имени Максима Горького. Проработал я до 1950 года. Колхоз имени Максима Горького объединили с колхозом имени Ленина, деревни Ново – Николаевка. С 1950 по 1953 год работал заведующим Ново – Николаевским сельским клубом.

В марте 1953 года был избран председателем Ново – Николаевского сельского совета. В октябре 1953 года вступил в ряды КПСС, 6 созывов избирался депутатом райсовета. В январе 1959 года переведен на работу освобожденным секретарем партийной организации колхоза им. Ленина. В 1960 году по состоянию здоровья освобожден от занимаемой должности секретаря при организации колхоза им. Ленина. За этот период избирался членом райкома. В 1961 году переехал жить в Пировское. Направлен на работу старшим бухгалтером инспекции Госстраха по Пировскому району - до 1962 года. Работал в совхозе Устюг Емельяновского района, окончил с отличием Боготольскую школу бухгалтеров колхозов в 1963 году.

В 1965 году переехал в г. Усолье – Сибирское, бухгалтером городского лечебного объединения. В 1975 году вернулся в Пировское. За работу в ЦРБ – благодарности. Затем – начальником Пировской машиносчетной станции от статистического управления Красноярского края.

С 1977 года, в связи с ухудшением здоровья, переведен на инвалидность 1 группы, на заслуженный отдых. И как я вернулся с войны инвалидом 2 группы, я проработал в общей сложности 36 лет. Сейчас мне 62 года. И как видно, хоть я и получил тяжелое ранение, хоть иной раз и трудно было, я старался работать, чтоб не быть иждивенцем у государства. И кое-что сделал за 36 лет своей работы.

Владимир Солохин, 22. 02. 1987, с. Пировское.

По материалам районного архива.

Так воевали земляки

С Александром Павловичем Шевелевым призывались мы в один день, в стрелковый запасный полк. Определили нас в учебный батальон, там и присвоили звания младших командиров.

В августе 1944 года нас подняли по тревоге, погрузили в эшелон. Так мы попали в Тулу. И уже отсюда наши дороги разошлись: я попал в артиллерийскую, он - в стрелковую роту, но служили в одной танковой бригаде.

Боевое крещение приняли в Бессарабии. Здесь прорывали оборону фашистов. Завязался жестокий бой. Нашей батарее было дано задание: уничтожить дот, который мешал продвижению войск. Этот приказ был выполнен. Двинулись в бой наши тяжелые танки «КВ» с десантом. Противник пустил свои танки, и тоже с десантом. Здесь-то и помог мой земляк со своими товарищами. Сложилась тяжелая обстановка для нас, артиллеристов, на позиции могла прорваться пехота противника. Но по живой силе врага начали бить станковые пулеметы. Среди пулеметчиков был и Александр Павлович Шевелев.

К вечеру бой затих. Я пошел в стрелковую роту, увидел солдата, который сидел на пеньке, спросил его, знает ли он Шевелева. Он подтвердил, что знает. Так и состоялась наша встреча. Часа два беседовали, вспоминали знакомых, родные места. Приходил и он ко мне в часть. Когда меня тяжело ранило, связь опять потерялась.

За боевые заслуги Александр Павлович награжден орденом Красной Звезды, многими медалями, в том числе и «За победу над Японией».

Была и другая встреча с земляком – пировчанином, Иваном Герасимовичем Тишевским. До войны мы жили по соседству - он в Богдановке, я в Преображенке. Наша батарея стояла тогда в километре от передовой. Шел бой, мы поддерживали наступающие части огнем. Подошла для подкрепления кавалерийская часть. Из-за лесочка выскочил броневик, смотрю - на нем сидит среди солдат Иван Тишевский. Не пришлось с ним долго поговорить, ушел броневик на передний край. В тот раз посчитал я, что погиб земляк, уж больно много тогда полегло наших солдат. Но оказалось - жив солдат. Когда вернулся домой, поехал в Богдановку. Здесь и встретился с ним. Он рассказал, что было дальше. Тогда они сопровождали парламентариев. Бой на время прекратился, фашисты не согласились на условия капитуляции, и сражение возобновилось.

Сейчас Иван Герасимович ушел на заслуженный отдых, но продолжает трудиться в колхозе «40 лет Октября».

На какие бы работы не направили бывшего воина, все он делает добросовестно, основательно. Если требуется помощь товарищу, всегда окажет ее. В этом чувствуется солдатская закалка, взаимовыручка. Как говорили фронтовики: самый надежный тот, с кем можно идти в разведку. Таков вот и Иван Герасимович.

А я, как только предоставляется такая возможность, всегда рад встретиться с ветераном, другом, земляком, который пользуется уважением среди сельчан.

Владимир Солохин, "Заря", 9 мая 1984 г..

Вернулся солдат домой...

День 14 сентября 1944 года четко врезался в память Владимира Сергеевича Солохина, тогда девятнадцатилетнего паренька. Атака. Немецкие самолеты. Угрожающий вой бомбы. Пронзительная боль в ногах, и беспамятство. Свои стремительно рванулись вперед, а Володя, истекая кровью, остался умирать. В какой-то момент, очнувшись, сквозь кровавую пелену увидел румынских ребятишек, склонившихся над ним. Те что-то залопотали по-своему и исчезли. Потом появились бородатые румыны и на телеге отвезли раненого в полевой госпиталь. Уставший хирург коротко бросил: «Ампутировать!». Для Владимира померкли краски осеннего дня. Билась в мозгу нестерпимая мысль: «В девятнадцать лет - калека!». Мерцала, правда, слабая надежда: одна-то нога цела. Но в Днепропетровском госпитале испытал новое потрясение. Шел консилиум, врачи дотошно осматривали ногу, сыпали малопонятными медицинскими терминами. Из разговора Володя понял: нога в колене не сгибается, а значит, не избежать ампутации. «Как же я в Сибирь вернусь? Без обеих ног? Кому там нужен буду», - в смятении думал Владимир. Это ведь только в книгах в подобных случаях пишут о благородстве и самопожертвовании, в жизни все было гораздо сложнее. Что ни день, в госпитале разыгрывались душераздирающие сцены. Сдирая с себя бинты, какой-нибудь несчастный калека проклинал войну и свою горькую судьбу, родных, которые от него отказались. В те минуты раненые молчали и старались не смотреть друг на друга. Стыдно, больно, и гнев душил...

На семейный совет Владимир Сергеевич вызвал брата Михаила, который служил на флоте. Братишка не поверил безжалостному диагнозу и кинулся на поиски более компетентного специалиста. Привел седенького профессора. После обследования старичок ободряюще похлопал раненого по плечу: «Крепись, сынок, и помаленьку ногу разрабатывай. Она тебе пригодится». Еще один добрый человек вмешался в его судьбу...

Михаил, сидя возле постели брата, тихо плакал и твердил: «Братка, как поправишься, домой вертайся. Мать пишет, шибко они голодуют. Семь пацанов надо прокормить, как она с ними одна справляется. Вертайся, подмогнешь ей, чем можешь».

«Чем же я могу? - удручался Владимир, - если у меня ничего нет, кроме костылей».

Год и восемь месяцев он провалялся по госпиталям, дольше, чем воевал. Перед выпиской - новое несчастье. Из Саратовского госпиталя безногих не отпускают на Север. Спасибо Михаилу Ивановичу Мирошниченко, работавшему в то время пировским военкомом, похлопотал за солдата.

Предстоял долгий путь домой. Человеку, жестоко покалеченному войной, встречались на нем и злые, и добрые люди. Помнит, как с двумя земляками сошел с полуторки, не доезжая двух километров до Галанино, и ковылял дальше пешком. На дворе январь, пурга, мороз лютый.

А в деревне никто в дом не пускает. Как ко двору подойдут, так в окнах огонек гаснет и собак выпускают. Видно, худых людей боялись, много их тогда по свету бродило. Что же делать? Тут в один двор вышел человек, шинель набрасывая. Выходит свой, солдат? Обрадовались. Уж он-то обогреет путников. Не ошиблись в этой уверенности. Того солдата звали Сергеем, сам только с фронта вернулся. Приютил их на ночь, а утром, когда постояльцы засобирались ехать на лошадях, заупрямился: «Вы-то спрыгнете с саней, а этот чертяка безногий ведь околет в дороге. Живите, пока машина не подвернется». Последним куском хлеба поделился со случайными знакомыми - по законам военного братства.

Радость от возвращения домой омрачилась: в районе свирепствовал голод. «Как же так, - размышлял Владимир. - В День Победы в Днепропетровске нас щедро потчевали водкой и закуской, а здесь люди умирают». За войну в его родной Преображенке вымерло 14 семей... Страшно. Погибали самые нищие, у кого за неуплату налога забрали последних буренок. А налог вынуждали платить немалый: с семьи - 9 килограммов масла, 50 - мяса. Где же их взять голодающей семье? «Минзаг» Федоров лишил семью последней надежды выжить. Утрата кормилицы была равносильна смерти.

Такая угроза нависла и над семьей Солохиных. Позднее Чукин, бывший председатель Новониколаевского сельсовета, который пять раз уходил на фронт и возвращался, рассказывал, что «минзаг» выжимал из Солохиных последние соки. Когда предупредил, что заберет корову, мать запричитала: «Где же я масло возьму, коли мои ребятишки с голоду пухнут?». На ее защиту встал председатель Чукин: «Уж ты лучше мою коровенку заведи, а их оставь. У Солохиных четверо мужиков на фронте. Если вернуться, тебе же первому башку свернут». Отстоял-таки Солохиных...

...Дождалась мать, вернулся ее сын. Соседки, завидуя, плачут: «Твой-то хоть без ноги, да пришел, а наши совсем не вернуться». Слезы бабьи, горе людское, голод, разруха. Солдату, как ни горька его доля, надо начинать новую мирную жизнь.

Тридцатые, сороковые, пятидесятые. Самые трагические в истории деревни. Владимир Сергеевич мысленно возвращается в те страшные годы, невольно набегит скупая слеза. Да, все это было: чудовищные поборы с крестьян, невероятная жестокость по отношению к ним: Удивляется: как сумели выжить? До войны в колхозе имени Горького держали 42 лошади, осталось три - четыре, одна машина, три комбайна. Из крестьянских амбаров вымели все под метелку. Картошка, и та выродилась. Ее съедали, а глазки на семена прятали. А с них-то какой урожай. Мужиков в деревне раз, два и обчелся. Потому и выбрали Владимира Сергеевича председателем сельсовета. Как он уверяет, при нем за 15 лет ни одного колхозника незаслуженно не посадили, председатель боролся за каждого. Как-то обратился к нему Решетнев, председатель колхоза: «Слушай, в Филипповке мужики совсем заворовались: поехали туда с обыском». Что ж, приехали. Первым делом заглянули к Кариму Нурдинову, а в его амбаре стоят мешки с пшеницей. Как поступить? Стоит Солохин в раздумье, а баба Карима как взвояет, да еще малайчики, мал мала меньше, окружили председателя и ревмя режут. Не сдержался он и тоже заплакал. Зерно нашли и в других дворах.

Выходит, всех мужиков надо садить. Семьи осиротить и колхоз работников лишить? Говорит Солохин Решетневу: «Давай, прикроем это дело. Кто в колхозе пахать - сеять будет? Кому польза, если они в тюрьме сгинут? А мужиков пристрашаем, чтоб неповадно было». На том и порешили.

Находил в себе силы и мужество этот человек, чтобы от других отвести беду. Впрочем, так поступал не он один, а все совестливые люди, которые превыше всего ценили человеческую жизнь и понимали, что колхозная система бесчеловечна. Верили, что ужасные законы исчезнут, как дурной сон, и наступит нормальная крестьянская жизнь, доселе полная несуразностей. Как же иначе назовешь паспортную систему или трудодни? Владимир Сергеевич сокрушается: в сенокос женщины целый день косили и за столь тяжкий труд получали по... 200 граммов овса.

С председателем произошел и такой курьезный, а скорее всего, печальный случай. Если колхоз сдавал 100 центнеров зерна зачетным весом, то 15 процентов распределялось колхозникам на трудодни. А Владимир Сергеевич по неопытности размахнулся на 30 процентов. «Я тебя посажу, - мрачно пообещал «минзаг», и не посмотрю, что ты инвалид. Будешь в тюрьме сапожничать». Неумному председателю устроили нахлобучку, вызвав на «ковер» к секретарю райкома Новикову, а потом к Шакирову, председателю исполкома райсовета. Долго «промывали» мозги несгибаемому председателю, да только совесть его осталась при нем.

"Заря", 28 октября 1989 г.

За фанерной перегородкой

У фронтовиков, пожалуй, было столь же развито чувство собственного достоинства и справедливости, как у сегодняшних афганцев. Пришел Владимир Сергеевич с братом в районную столовую и неприятно удивился, увидев, что райкомовские работники обедают за... фанерной перегородкой. «Что это вы от народа прячетесь, - громогласно спросил он и вроде как по-дружески посоветовал, - смотрите, фронтовики - народ горячий, сметут вашу перегородку». Словно предвидел бунт солдатский. Кстати, впоследствии так и получилось. Исчезла перегородка. Но партийное руководство в лице Новикова, Шакирова по отношению к людям держалось так же высокомерно. С оттенком обиды Владимир Сергеевич припоминал эпизоды, когда он, инвалид, тряся в кузове полуторки, а секретарь уютно сидел в кабине...

Не поступиться совестью

После войны мало кто из женщин хотел идти на ферму: она находилась далеко от деревни, и матери боялись оставить малолетних детей. Исчерпав силы в тщетных уговорах, председатель колхоза обращался к Солохину, зная его дипломатические способности. И тот приступал к переговорам. Вызвал он однажды переселенку, их тогда много понаехало. У нее трое ребятишек, за которыми, кроме матери, присмотреть некому. О садике тогда и слыхом не слыхивали. Взяв на себя грех, уговорил председатель женщину, с тяжелым сердцем ранним утром она ушла на работу. В это время маленький сынишка сдернул со стола скатерть с керосиновой лампой, вспыхнул пожар. Счастье, что соседка, невзначай заметившая огонь, выбила раму и вынесла детей, а дом со всем скарбом сгорел дотла. Мать, услышав о пожаре, едва не обезумела от мысли - дети сгорели! Всей деревней ее приводили в чувство. Задумался Владимир Сергеевич, терзая себя, что в данной ситуации, выходит, он поступился совестью. Ложный энтузиазм сыграл с ним злую шутку. А если бы дети сгорели? Тогда и пришло решение: уйти с председателей, чтобы и впредь не поступиться совестью.

«Гони, дед, тридцатку»

Владимир Сергеевич сохранил ясность ума, добрый взгляд на мир, оптимизм. А ведь другие в таких обстоятельствах замыкаются в себе, по-черному завидуя счастливым. Поразительно, сколько имен, событий удерживается в его памяти. На основе его удивительных рассказов можно написать книгу: о его судьбе, о судьбе крестьянской деревни. Чем живет он сегодня? Разумеется, теми событиями, которые происходят в мире, стране, районе. По мере сил старается посещать партийные собрания. По-прежнему живо интересуется делами в Ново-Николаевской бригаде. Бывший председатель гордится успехами Василия Радченко, водителя из Ново-Николаевки. С похвалой говорит, что отец его, Николай, тоже в свое время передовиком слыл. На свое жительство - бытие Владимир Сергеевич не жаловался. По чистой случайности я узнала, как дорого достаются их семье дрова. Посудите сами: распилил калымщик девять берез и потребовал: «Давай, дед, тридцатку!». А чурки еще расколоть надо. Где же наше милосердие к инвалидам, ветеранам войны? Имеем ли мы моральное право экономить и зарабатывать на стариках? Тех, кто за нас воевал.

3. Васильева, «Заря», 1980-е гг.